

Глава 15. Год спустя

Сменялись времена года, и незаметно пролетел целый год, что Ань Цзыянь провел на горе Небесного Духа. За это время силы почти полностью вернулись к нему. Лишь при резкой перемене ветра давали о себе знать отголоски прежней болезни, но под неусыпным надзором Чоу Хуайшэна эти недомогания быстро проходили.

— Цзыянь, пора пить лекарство.

Хуайшэн вошел в комнату, бережно неся дымящуюся пиалу с целебным отваром.

Прошлой ночью погода переменилась внезапно. Залюбовавшись звездным небом, они упустили момент, и к утру Цзыянь слег с простудой. Сейчас подобные хвори уже не угрожали его жизни, как прежде, но все же заставляли подолгу лежать в постели — ослабленный организм боролся медленнее обычного, требуя бережного ухода.

Поставив отвар на столик у изголовья, Хуайшэн присел на край ложа и осторожно приподнял юношу, позволяя ему опереться о свое плечо. Он медленно, ложка за ложкой, выпоил лекарство, а затем уложил Цзыяня обратно и заботливо подоткнул одеяло.

— Кхе-кхе... Брат Хуайшэн, я снова в тягость тебе, — тихонько пролепетал больной. Голос его звучал едва слышно.

— К чему опять эти церемонии? Раз уж зовешь меня братом, забудь о неловкости. Заботиться о младшем — естественный долг старшего. К тому же учитель вверил тебя моим заботам, и я должен быть предельно внимателен. Иначе как мне потом держать ответ перед ним и твоими отцами?

Хуайшэн ласково взъерошил мягкие волосы юноши, глядя на него с нескрываемой нежностью.

Цзыянь благодарно улыбнулся. За прошедший год Хуайшэн замечал малейшее его недомогание. Он тут же спешил к Истинному владыке Сюаньцину за целебными пилюлями, сам варил снадобья, а если простуда оказывалась серьезнее обычной, тревожился сильнее всех. Юноше порой становилось неловко из-за собственной слабости, ему не хотелось обременять названного брата, но поделаться с хрупким здоровьем он ничего не мог. Впрочем, возможность просто жить дальше уже казалась ему величайшим даром, за который он не уставал благодарить судьбу.

— Брат Хуайшэн, скажи... прошел уже целый год, почему же тело все такое же слабое?

Если так пойдет и дальше, то когда же он сможет покинуть эти горы? Поначалу здешние живописные виды завораживали, но со временем приелись. Самый прекрасный пейзаж не мог заменить заветного желания — поправиться, спуститься в долину и вернуться в столицу к

родным. Только теперь Цзыянь в полной мере осознал, что значит тосковать по дому в праздники, и невольно задавался вопросом: как сам Хуайшэн ухитрился вытерпеть здесь долгие шесть лет одиночества?

— Учитель уверяет, что ты излечился уже на три четверти. Когда придет срок, он тебя силой погонит отсюда, даже если сам захочешь остаться. Ну всё, спи и ни о чем не тревожься. Я буду в соседней комнате. Если что-то понадобится, только позови.

Погасив свечу, Хуайшэн скользнул к выходу, ориентируясь по ровному лунному свету, падавшему на пол.

Вскоре Цзыянь погрузился в глубокий сон. Хуайшэн, тихо вернувшись в его спальню, присел на край постели. При тусклом свете луны он долго всматривался в бледное, осунувшееся лицо спящего юноши, а затем осторожно коснулся его холодной щеки.

— Спи... Очень скоро ты сможешь спуститься с горы, и тогда мы уйдем вместе, — прошептал он сам себе.

Нужно лишь немного подождать. Еще совсем чуть-чуть, и все наладится.

Поправив щипцами угли в жаровне, чтобы комната не выстудилась за ночь, Хуайшэн бесшумно выскользнул за дверь. Однако спать он не лег, а направился через темный двор к покоям Истинного владыки Сюаньцина.

Он в нерешительности замер у порога. Он несколько раз заносил руку для стука, но всякий раз опускал её. Он и сам не понимал, что привело его сюда глухой ночью. Какое-то смутное предчувствие, почти неосознанный порыв заставили его прийти к наставнику, но теперь, стоя у закрытой двери, он растерялся, не зная, о чем говорить.

В конце концов он решил уйти, но стоило ему развернуться, как дверь тихо скрипнула и открылась. На пороге стоял учитель.

— Раз уж пришел, зачем топтаться снаружи? Проходи, — ровным голосом произнес Сюаньцин.

Казалось, старик заранее знал о визите ученика. Не дожидаясь ответа, он скрылся в полумраке комнаты. Хуайшэн, подавив изумление, поправил широкие рукава и покорно последовал за ним.

Они сели друг напротив друга на циновках, скрестив ноги. Наставник прикрыл глаза, погрузившись в глубокое созерцание, а Хуайшэн сидел молча, опустив голову, точно напроказивший ребенок.

— Как себя чувствует наследник? — не открывая глаз, спросил Сюаньцин.

Каждая травинка, каждое дерево и всякая живая душа на горе Небесного Духа находились под его незримым надзором. Ничто не могло укрыться от взора бессмертного мастера. Весь этот год, стоило Цзыяню занедужить сильнее обычного, наставник заблаговременно передавал нужные пилюли, которые ставили юношу на ноги уже к следующему утру.

— Я только что напоил его отваром и уложил спать, — почтительно отозвался ученик. — Но в этот раз простуда переносится тяжелее. Боюсь, на полное восстановление уйдет не меньше полумесяца.

Перед Сюаньцином он не смел — да и не мог — ничего утаивать, а потому говорил чистую правду. Хуайшэн догадывался, что учителю наверняка известно и о его намерении покинуть гору вместе с Цзыянем, как только тот окончательно поправится.

— Изначально я подумывал взять Его Высочество в ученики, но, похоже, в этом нет нужды, — со вздохом произнес Сюаньцин. — Однако как твой наставник я должен предостеречь тебя: не сжигай мосты. Куда бы ты ни направился и что бы ни задумал совершить в будущем, всегда оставляй себе путь для отступления.

В этих словах крылся глубокий смысл. Старик давно понял, что его подопечный рано или поздно покинет обитель ради мирских дел. Сюаньцин искренне привязался к этому юноше, но понимал: того, чье сердце рвется наружу, силой не удержать.

— Учитель... вам всё известно? — тихо спросил Хуайшэн.

Известно о его скором уходе, о яде затаенной обиды, от которого он так и не сумел исцелить свою душу. Порой он искренне пытался вырвать из сердца корни мести, но безуспешно — слишком глубоко въелись слова матери, изо дня в день твердившей о возмездии. В кошмарах ему до сих пор являлось ее безумное лицо и те страшные картины из далекого детства.

— Многое я прочел в твоих глазах еще при нашей первой встрече, — ответил старец. — Сейчас же прошу лишь об одном: помни мои слова. Будь милосерден, когда придет время. Не позволяй слепой ярости губить невинных, иначе познаешь раскаяние, от которого не будет спасения.

— Ученик внемлет наставлению. Не смею более тревожить ваш покой.

Хуайшэн низко поклонился и бесшумно покинул покои Истинного владыки Сюаньцина.

Оказавшись на улице, он глубоко вздохнул и, бросив мимолетный взгляд на холодный диск луны, зашагал обратно.

Вернувшись в Павильон, Хранящий Облака, Хуайшэн лег в постель, но сон не шел. Стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором вставали то безумства покойной матери, то предостережения наставника. Душа его разрывалась напополам: долг перед той, что даровала

жизнь и взрастила его, сталкивался с бесконечным уважением к учителю, подарившему ему кров и мудрость. Измученный метаниями, Хуайшэн решил отпустить эти думы — в конце концов, время само расставит всё по местам. Лишь под утро он забылся беспокойным сном.

Наутро он проснулся разбитым, но задерживать приготовление целебного завтрака для Цзыяня не стал. Поскольку тот все еще не мог подняться с постели, Хуайшэн сам помог ему умыться и ополоснуть рот. За прошедший год он научился ухаживать за больным столь ловко и бережно, что Цзыянь порой в шутку сравнивал его с заботливой матушкой. За такие дерзкие речи юноша обычно получал от Хуайшэна шуточный нагоняй — разумеется, не всерьез: тот пылинки с него сдувал и боялся неосторожным движением причинить вред хрупкому телу. Подобные беззлобные перепалки давно стали их привычной забавой.

— Брат Хуайшэн, ты совсем не спал из-за меня? — с легкой тревогой спросил Цзыянь, заметив лопнувшие сосуды в глазах названного брата. — Посмотри, какие они красные.

— Вовсе нет, просто кошмар приснился, — отмахнулся Хуайшэн, не желая посвящать юношу в свои тяжелые ночные раздумья.

Цзыянь послушно кивнул, не став расспрашивать дальше.

— Сначала поешь, а потом выпьешь лекарство.

Хуайшэн поднес к его губам пиалу с теплой, заранее остуженной кашей и принялся аккуратно кормить его с ложечки, то и дело промокая уголки рта чистым шелковым платком. Вскоре сытный завтрак был закончен.

Затем пришел черед целебного отвара. Снадобье пахло невыносимо резко. Сколько бы Цзыянь ни пил его за этот год, привыкнуть к удушливой горечи он так и не сумел. Зажмурившись и затаив дыхание, он послушно осушил пиалу до дна. Зная этот каприз, Хуайшэн тут же вложил ему в рот сладкий засахаренный фрукт, чтобы перебить неприятный вкус. По нёбу мгновенно разлилась приятная сладость.

— Брат Хуайшэн, ты так добр ко мне... Боюсь, когда придет время возвращаться домой, я просто не смогу с тобой расстаться, — тихо произнес Цзыянь. Сладость таяла на языке, наполняя сердце теплом.

— Тогда... что, если я спущусь с горы вместе с тобой?

— Брат Хуайшэн, не шути так, разве это возможно? — Цзыянь удивленно округлил глаза.

За целый год совместной жизни он впервые слышал от этого обычно серьезного и сдержанного человека подобные речи. Впрочем, эти слова прозвучали на удивление приятно. В глубине души Цзыянь и сам мечтал об этом, но умом понимал, что такое вряд ли осуществимо.

Порой, согретый чужой заботой, он невольно ловил себя на эгоистичной мысли:

«Вот бы это никогда не кончалось».

Отношение Хуайшэна к нему смутно напоминало то, как его отец-ван оберегал папу. Но здравый смысл подсказывал: названный брат лишь исполняет волю Истинного владыки Сюаньцина. Даже если тот искренне привязался к нему, то лишь как к младшему брату — ведь Хуайшэн не раз вскользь ронял, как хотел бы иметь такого братишку. Цзыянь порой испытывал легкий укол разочарования от этих мыслей, но тут же одергивал себя. Нужно уметь ценить то, что имеешь, и не требовать невозможного. Разве братской любви мало?

Хуайшэн лишь загадочно улыбнулся в ответ. Он снова ласково погладил юношу по голове, собрал пустую посуду и бесшумно вышел из комнаты.

<http://bllate.org/book/18341/1793300>